

Игорь Суриков

Влияние античности на Древнюю Русь и древнерусскую культуру

*(Выступление профессора, доктора исторических наук
Игоря Евгеньевича Сурикова в Риге 24 апреля 2009 года)*

Спасибо за теплые слова. Меня перехвалили, назвав крупнейшим из крупнейших, что не соответствует действительности, самонадеянно с моей стороны так называться. Дорогие коллеги, хочется начать с того, что я очень рад, что мне удалось попасть в Ригу. Это действительно впервые в моей жизни. Хочу поблагодарить организатора семинара за предоставленную мне такую возможность, вас, Сергей Александрович (Мазур), и Хария Туманса, который сделал очень много для того, чтобы раскатать меня, чтобы поездка эта состоялась. Сегодня я планировал говорить не вполне то, что я буду говорить завтра, именно потому, что тема, как она сформулирована на сайте, имеет двойкий вид. С одной стороны, написано «Мир глазами эллина: категории древнегреческой культуры» — это та изначальная тема, которую я заявлял; и та тема, которую предложил Сергей Александрович осветить, — это «Влияние античности на Древнюю Русь и древнерусскую культуру». Берясь за это последнее, я не без некоторого колебания подходил к этой теме, поскольку в этой последней области я никак бы себя не назвал специалистом. И извиняет меня только то, что, пожалуй, специалистов в этой конкретной сфере я в России, по крайней мере, не знаю. Но если их нет в России, то, наверное, их нет и вообще нигде,

скажем так. Была у нас в свое время книга ученого Кнабе Георгия Степановича, «Русская античность» называется. Он попытался трактовать эти вопросы — влияние античности не только на древнерусскую культуру, но и на всю историю. Эта книга оказалась не вполне удовлетворительной, далеко не все там показано должным, исчерпывающим образом.

Как мы договорились, я буду говорить по теме «Категории древнегреческой культуры, эллины, основания их менталитета, мирозерцания» завтра, на большом семинаре. А сегодня я попытаюсь поднять вопросы, связанные с влиянием античности на Древнюю Русь, и, может быть, несколько парадоксальным образом — не столько буду перечислять разные факты, сколько, может быть, буду говорить о том, почему это влияние было не столь значительным, как могло бы быть, какие из этого проистекли результаты для той же самой русской культуры. Прежде всего, необходимо напомнить такую базовую вещь, что непосредственного соприкосновения с античной цивилизацией Древняя Русь иметь не могла, поскольку их разделяет хронологически несколько веков. И, в общем-то, передающим звеном в данном случае выступала Византия, православная Византия, которая, тем не менее, являлась наследницей античной культуры

как греческой, так и римской. Как известно, «византийцы», «Византия» — названия чисто условные. Византийцы себя, свою страну Византией никогда не называли. Это ругательная кличка, выдуманная гуманистами итальянского Возрождения для очернения греческой империи. На самом деле государство продолжало себя называть Римской империей, а сами византийцы так и называли себя ромеями, то есть римлянами, хотя этнически в массе своей они были греки. Поэтому надо помнить, что речь пойдет о том вторичном влиянии через Византию. Прежде чем перейти к концептуальным соображениям, я буду говорить в свободном порядке, начну с двух, может быть, мелких фактов, но, как мне кажется, показательных, которые сразу нам кое-что прояснят и покажут.

Есть такая интересная византийская книга под названием «Пчела». Это сборник различных мудрых изречений, составленных в VII веке святым Максимом Исповедником, византийским богословом и духовным писателем. Там изречения взяты как из христианских авторов, так в большом количестве присутствуют изречения, афоризмы из дохристианской языческой античной древности. Около XIII века «Пчела» была переведена на древнерусский язык и стала одним из излюбленных чтений нашего древнерусского читателя. И вот один такой маленький пример — афоризм, который звучит: «При славе будь смирен, при печали мудр». По звучанию вполне античен, то есть: будь умерен во всем; настигает слава — не гордись, смиряйся; настигает неудача — не отчаивайся, смиряйся. По античным источникам эта цитата, изречение принадлежит греческому тирану Периандру, сыну Кипсела, одному из известнейших коринфских правителей VI века до н.э. Что интересно, в греческом оригинале у Максима Исповедника почему-то это изречение приписано Кипселу Коринфскому, то есть отцу Периандра. Специалисты не исключают порчу текста, при которой имя его могли просто выбросить. Что интересно, в древнерусском переводе изречение значится под именем Александра Македонского, который на самом деле не имеет к этой цитате ровно никакого отношения. Но что древнерусскому читателю сказали бы эти имена — Периандра, Кипсела? Но Александра Македонского древнерусский читатель, безусловно, знал. И вообще, что интересно, в тех местах, где в «Пчеле» появляется имя Кипсе-

ла, тирана Коринфского, настолько оно было неизвестно древнерусскому переводчику, что Кипсела переделали в «епископа Купсельского». То есть впервые искажение вкралось в сам византийский оригинал. А в русской традиции это усугубилось.

Или вот такой пример, который обычно приводят, — Благовещенский собор Московского Кремля, расписанный, если я не ошибаюсь, в XV веке, который уникален тем, что там на ряде столпов приводится изображение так называемых «внешних мудрецов», то есть именно античных, языческих, дохристианских философов и писателей, как Платон, Аристотель, Плутарх и др. И при каждом написано изречение, якобы тому или иному мудрецу принадлежащее. На самом деле эти изречения взяты чисто произвольно и имеют к тому автору, при котором они изображены, тоже весьма и весьма отдаленное отношение. Все эти внешние древнегреческие мудрецы на Руси понимались как нечто весьма экзотичное, как нечто, я бы сказал, не свое. Если поискать корни явления, то припомнилось мне достаточно тонкое наблюдение Георгия Федотова, известного нашего философа, писателя по религиозным вопросам, после 17-го года эмигранта, который основные работы в эмиграции написал. Он обратил внимание на то, что понятие сакральных языков на Востоке, в ареале Византии, в рамках восточной, впоследствии православной церкви, и в мире западноевропейском, западной церкви, было разным. На Западе, как хорошо известно, латинский язык долго оставался единственным сакральным языком. На новоевропейских языках письменности просто не было на протяжении долгих веков, и, соответственно, традиция развивалась на латинском. На Руси ситуация иная. Письменность возникает рано, в IX веке, что было связано с деятельностью святых Кирилла и Мефодия, и основные богослужебные тексты были переведены, соответственно, тоже очень рано. Уже сами Кирилл и Мефодий перевели весь Новый Завет, большую часть Ветхого завета и основные литургические тексты с греческого языка на славянский. Если на Западе литургия на национальном языке — это для средних веков — абсолютно невозможная вещь, то на Руси, да и в других странах византийского ареала литургия и вообще служба на своих местных языках — это абсолютно нормальное явление. Византийцы отнюдь не навязывали свой язык — греческий

как единственный сакральный язык. Что из этого проистекает? На Западе среди духовенства традиционно изучался латинский язык. Соответственно, языковая преемственность с античностью (но на Западе идет прежде всего речь о римской античности, в то время как на Руси — о греческой, эллинской) на Западе эта традиция связи с античностью не пресекалась, а оставался континуитет, преемственность по этой языковой линии. Средневековое духовенство имело возможность читать античных авторов, читать Цицерона, читать Цезаря, но пусть не понимая всех красот стиля, поскольку вряд ли знание языка было совершенным вплоть до гуманиста Петрарки, который уже мог наслаждаться всеми тонкостями Цицерона, вести переписку с Цицероном. Так вот, на Западе был такой канал связи с античностью.

На Руси духовенству не было необходимости изучать греческий язык именно потому, что все богослужебные тексты были переведены на славянский язык. Может быть какие-то единичные люди, знающие греческий, существовали на Руси, и то это были в основном приезжие греки. О древнерусском духовенстве этого сказать нельзя, потому что просто не было такой необходимости. С одной стороны, это бесспорно приближало русское духовенство к народу, поскольку оно говорило на одном языке, и служба велась на одном языке. С другой стороны, это был отрыв от античного наследия. Прямого канала, повторю, не было, и сведения об античности, влияние античности велось только опосредованно, через уже христианизированную Византию. И как результат, Русь фактически не затронуло такое глобальное течение европейской мысли и жизни, такие, точнее, глобальные европейские течения мысли и жизни, которые исходили из идеи рецепции, восприятия античного наследия. На Руси не было Возрождения, что ни говори. Хотя и пытался академик Лихачев в свое время показывать некое предвозрождение на Руси (Феофан Грек, Рублев и др.). Если такие тенденции и были, то, по крайней мере, полноценного Возрождения на Руси не было, потому что не возникала потребность возродить античную культуру. Классицизм — он на Руси появился, но позже, на век позже, чем в Европе, и в уже принципиально новое время — уже в послепетровскую эпоху, а не во время Древней Руси. Даже если взять, скажем, XV-XVI вв., искусство Западной Европы уже было переполнено античными мифологичес-

кими образами, когда в произведениях итальянских, прежде всего, художников, французских и даже голландских постоянно встречаем античных персонажей. На Руси тогда и речи не могло быть даже ни о чем подобном. То есть если для Западной Европы это стало своим, то, в известной мере, на всем протяжении Древней Руси это было, по сути, экзотикой.

Мне бы хотелось еще такой интересный вопрос поднять, на который, может быть не будет однозначного ответа, потому что его нет. Почему по-русски греки называются греками? Очень тонкий, на самом деле, вопрос. Греки греками сами себя никогда не называли. В античности они называли себя эллинами, правда, в византийскую эпоху они уже перестали себя называть эллинами, поскольку «эллин» стало синонимом «язычника». В византийскую эпоху они называли себя ромеями. Но греками они себя не называли однозначно. Это латинское слово. Коль скоро мы с Византией общались напрямую, без посредников, откуда же латинский термин? Он явно пришел к нам с латинского Запада, поскольку только там, на латинском Западе называли греков греками. В результате приходится предполагать очень ранние контакты Древней Руси с Западом, чрезвычайно ранние контакты, предшествовавшие контактам Руси с Византией. На самом деле это очень большая спорная проблема. В том числе есть версия достаточно экзотическая, я над ней думал, интересная версия. Речь идет об очень рано приплывших на Русь ирландских православных миссионерах. Ведь в самый первый период Средних веков Ирландия была настоящим светочем культуры.

Как ни странно, хотя Европа была покрыта мраком и варварством, в Ирландии существовал очень мощный культурный очаг. Ирландия прославилась своими богословами. Кстати, очень активную миссионерскую деятельность вели ирландские монахи, которые к тому же были мореплавателями. Есть версия, что эти ирландские монахи-миссионеры добрались до Америки еще раньше, чем викинги. Их языком был латинский. Ирландцы на Русь тоже попадали, очень возможно, через Балтийское море, тем путем, который позже получил название «Из варяг в греки». В то время не было еще официального разделения православия и католицизма, это более ранняя эпоха. Но эти ирландцы были ближе к тому, что позже стали называть православием.

Сравним термин «церковь»: почему церковь? Известно, что в русской лексике, связанной с церковью, роль, удельный вес греческих терминов, греческого происхождения, особенно велик, он почти подавляющий. Какой бы русский термин ни взяли: патриарх, митрополит, архиепископ, епископ, дьякон, монах, монастырь, Библия, Евангелие, литургия, панихида, можно говорить, говорить и говорить, — это все греческие по происхождению термины. «Церковь» — это тоже греческий по происхождению термин, от греческого слова «кириакон», то есть буквально, «дом Господень» имеется в виду. Заметьте, греческое слово начинается на «к», почему русское слово «церковь» начинается на «ц»? В греческом языке очень долго не было звука «ц». Не было его в древнегреческом, не было в византийском, в современном греческом он в основном в заимствованных словах. Такое впечатление, что опять же греческое слово попало к нам через каких-то латиноязычных посредников, поскольку приведенный термин по-латински будет транскрибироваться как «цириакум», в такой позиции *c* читается как «ц». То есть опять приходится говорить о каких-то рано прибывших носителях латинского языка, которые прекрасно знали и греческий. Отсюда, кстати, и немецкое слово «кирха», но в нем нормальное «к», между прочим, как и в греческом. То есть в немецком сохранилось исходное «к», а у нас в «ц» перешло. То есть какой-то ранний латиноязычный посредник. Версия ирландских миссионеров имеет право на существование, как мне кажется.

И в целом бурная рецепция античности на Руси пошла, начиная с XVIII века, то есть, начиная с петровского времени. Причем на первых порах это явление принимало достаточно примитивные формы. Но если совсем быть точными, первые ростки мы находим в последний допетровский век — в XVII веке при дворе царя Алексея Михайловича. Но, конечно, с иностранными актерами в дворцовом театре ставились комедии типа «Бахус с Венусом». Но более осмысленная рецепция идет, начиная со второй половины XVIII века, при Екатерине Второй. Это несомненно была осмысленная, политизированная рецепция, поскольку был греческий проект Екатерины Второй, и Екатерина Вторая настояла, чтобы один из ее внуков был даже специально назван Константином, то есть тем самым Константином, отречение которого от престола вызва-

ло впоследствии восстание декабристов. Имя Константин для династии Романовых совершенно не характерное, позже оно стало характерным. Но этого Константина называли так, потому что имя Константин типично как раз для византийских императоров. И при той же Екатерине сколько возникает на Руси городов с окончанием «поль», особенно на новоприсоединенных землях: Севастополь, Симферополь, Ставрополь, Никополь. Все эти города прозрачно переводятся. Ставрополь — город креста, Никополь — город победы. Еще пример. Классицизм в искусстве, который приходится на время Екатерины Второй.

Конечно, классицизм Екатерининский в значительной мере условен, и на самом-то деле, лишь с XIX века некоторые русские художники глубоко проникали в суть античности, умели как-то очень адекватно постигать ее образ. Это, прежде всего, имя Генриха Семирадского, нашего замечательного художника-классициста XIX века, который противостоял реалистам, возглавляемым Репиным. Они были друзья, но при этом, конечно, спорили частенько из-за принципов. Семирадский потом, в советское время, был опорочен как представитель такого чистого искусства, который не имел ну никакого интереса к нуждам народа. Но он был замечательнейший художник. Свои картины он писал в основном на античные сюжеты, которые так и дышат живой, реальной античной жизнью.

А до этого времени почему рецепция практически не происходила? Мешала, конечно, религиозная норма. Даже античная литература в глубоко православной Древней Руси была, прежде всего, языческой литературой, что не удивительно. В античном мире все было неразрывно связано с язычеством просто потому, что все неразрывно было связано с мифом. Роль мифа в античном бытии была огромной. Вспомним, Лосев, наш замечательный философ, много раз писал о мифе, о его бытии в разных сторонах античной культуры. В конечном счете, реконструируя ту или иную античную ментальную форму, все равно выходим на миф. Древняя Русь со своим глубоко православным мировосприятием наверняка нутром чувствовала вот эту глубинную, принципиальную несхожесть, несхожесть в мировосприятии.

Соответственно, полноценная рецепция античности, античного наследия могла начаться рука об руку с секуляризацией. И

совершенно не является случайным совпадением, что XVIII век стал и временем начала полноценной рецепции античности в России, особенно с Екатериной Второй. Это и время секуляризации, начиная с Петра Первого, при котором отменяется патриаршество, а Церковь, по сути, передается в ведение государства, ставится под контроль оберпрокурора Синода. Далее, Екатерина Вторая нанесла колоссальный ущерб Церкви, секуляризовав монастырское имущество, сократив большую часть монастырей.

Итак, контакты с греками-византийцами в области культуры были ранними, восприятие античного наследия пошло позднее не через греков, не через византийцев, а уже через Запад, в петровскую эпоху. Как раз в самой Византии, хотя она тоже была глубоко православной державой (не случайно Сергей Сергеевич Аверинцев свою работу о взаимоотношениях Руси и Византии назвал «Наследие священной державы»), античное наследие глубоко чтит. Потому что для Византии это было их родное наследие, на их собственном, родном языке. Шедевры древнегреческой литературы переписывались в византийских монастырях. Мы бы не имели сейчас произведений ни Платона, ни Аристотеля, ни Демосфена или Геродота, если бы не переписчики в византийских монастырях, а потом уже, после падения Константинополя то, что удалось сохранить, было эвакуировано на Запад, в Италию в основном. Там эти труды стали изучаться гуманистами, издаваться, и прочее, и прочее. То есть в Византии интересовались древнегреческой литературой, несмотря на ее языческий характер, даже духовные лица. Такой известнейший деятель, как патриарх Фотий, живший и действовавший в IX веке (именно он направил миссию Кирилла и Мефодия, именно при нем начались первые споры между Константинополем и Римом по догматическим вопросам, позже, в XI веке, приведшие к схизме), на досуге составил колоссальную библиотеку, не только из христианской литературы, но и из выдающихся античных памятников. И он написал своеобразный каталог своей библиотеки. Этот труд дошел до нашего времени. Он так и называется «Библиотека», или еще по-другому, «Мириобиблион» (10 тысяч книг). Вот он тщательно прочитывал все, что ему попадалось, и делал аннотацию каждого труда, по сути, каталогизаторской работой занимался. Геродота ли, Демосфена ли прочитывал, опять же

аннотацию составлял и пр. К сожалению, этот памятник на русский до сих пор не переведен. Не все могут читать в оригинале. Но вот эту сторону своего наследия — глубокий интерес к языческой античности — все-таки Византия на Русь не передала в полной мере и, может, передать не могла, потому что для византийцев это было свое, родное, а для Руси это все-таки было нечто пришлое, чужое.

Пройдемся по отдельным отраслям культуры в смысле такого античного влияния на Русь. Ну, если взять религию и миф, то эта сторона древнегреческой культуры сейчас особенно интересна — все школьники, детсадовцы знают Зевса, Геракла и прочее, и прочее. Конечно, для христианства первоначально мифы, древнегреческие боги были предметом борьбы. Борьба шла не по линии отрицания, («нет никакого Зевса, нет никакого Аполлона»), а по линии указания, что, скажем, Зевс и Аполлон вполне реальны, но это сила нечистая, и нужно не просто пассивно не верить, а нужно с ними активно бороться. Поэтому образы древнегреческих мифов для Византии были не особенно востребованы, а у нас совсем не привились. И не появляются на Древней Руси мифологические образы.

Философия античная. Для Византии античная философия была чрезвычайно актуальной, Платона, Аристотеля, неоплатоников не только переписывали, они оказывали живое влияние на византийскую богословскую мысль через труды Дионисия Ареопагита, особенно влияние неоплатоническое на византийское богословие несомненно. У нас византийские богословские воззрения были восприняты, скорее всего, в готовом виде без этих античных коннотаций. То есть у нас на Руси читали Дионисия Ареопагита, и Симеона Нового Богослова, и Паламу читали, и других виднейших византийских теологов, но это, скажем так, воспринимали как нечто изготовленное.

Что касается античной науки, она уже для Византии была не очень актуальна, поскольку считалось, что основные положения античной науки о строении земли и прочее противоречат основам христианского учения. На смену системе Эратосфена, вычислившего длину экватора, пришла, например, картина византийского купца и богослова Космы Индикоплова, совершенно иная картина мира. У нас на Руси античная наука не получила широкой известности. В Византии античную лите-

ратуру читали в риторических школах; а у нас пожалуй что и нет древнерусских переводов языческих, античных в собственном смысле памятников. А если что-то подобное и появлялось, то в форме компилятивных сборников, как та же «Пчела», которую я в начале своего рассказа упомянул. А в целом, Геродот не был переведен на русский язык вплоть до начала XIX века; примерно тогда же были переведены и Платон, и Аристотель, и другие крупные представители античной словесности. То же относится и к поэтам. Первые попытки перевода поэм Гомера, очень робкие и слабые, на XVIII век приходится. Первый качественный перевод сделали Гнедич для «Илиады» и Жуковский для «Одиссеи» — это уже первая половина XIX века.

Схожая ситуация с такой частью культурного наследия античности, очень важной, как риторика. Ведь ораторское искусство занимало во всей жизни античности колоссальное место. Риторика была одной из важнейших дисциплин, в какой-то степени наукой наук, основой общего образования. В Византии эта риторическая составляющая культуры была чрезвычайно важной. В византийских школах изучали Исократа, Демосфена больше всех, как самого образцового. А поскольку на Руси светского риторического образования в допетровскую эпоху не было, эта сторона античного наследия оказалась невостребованной. Риторические пособия на Руси появляются с XVII века, и то, скорее по западным, чем по античным образцам.

Античное изобразительное искусство. Для Византии оно было актуально. На площадях в Константинополе повсюду стояли античные статуи, хотя, казалось бы, с точки зрения той же самой христианской религии это идола, им неуместно стоять в публичных местах, но они стояли как памятники искусства, ими восхищались. Известно, что, когда крестоносцы захватили Константинополь в 1204 году, знаменитых коней скульптора Лисиппа вывезли, и они по сей день украшают собор святого Марка в Венеции. То есть византийцев несколько не смущало, что это памятник языческого искусства. Они стояли не только в самой столице империи, но и в таких отдаленных ее городах каким был Херсонес (Корсунь). Известно, что, когда Владимир, наш князь равноапостольный, святой взял в IX веке Херсонес, он оттуда вывез двух идолов и четырех коней и поставил их у церкви, приехав в Киев. То есть

он вывез две статуи античные и четыре статуи коней. Крестившегося Владимира не смущало, что в Киеве стоят «идолы», и статуи стояли там, возможно, и до монгольского нашествия. Но в целом это влияние на Руси не было распространено. На Руси особенно четко проводилась эта линия, что статуи православием не дозволены. Так что иконопись, фрески — это православный аналог статуй.

Что касается архитектуры, в целом древнерусская архитектура не имела ничего общего с античной греческой. Достаточно вспомнить типичный образец греческого храма (перед мысленным взором у всех встает здание с колоннами, с фронтоном), и представить храм древнерусский — нет ничего общего, никаких колонн, что, прежде всего, бросается в глаза, — это купол или несколько куполов. Ну и в Византии от принципов античной архитектуры отказались. Уже и в Византии в основном встречаем купольные здания (как Святая София), в которых ничего специфически античного нет.

Византия по своей политической идеологии представляла собой прямую наследницу позднеантичных структур Римской империи с идеей универалистской такой империи, монарха как верховного главы, в том числе имеющего и сильные религиозные коннотации. Византийский император — священный монарх с известной точки зрения. Это не нужно понимать, как в западной литературе понимают, в том смысле, что в Византии был «цезарепапизм» и император главнее патриарха, нет. На самом деле в Византии так не было. На самом деле в Византии нередко были случаи, когда патриарх императора не пускал в храм. Если император совершает какое-то злодеяние, патриарх его не пускает в храм, накладывая на него епитимью — пока тот не покается полностью в совершенном деянии, в храм входа нет, отрешен от причастия и от всего прочего. И большинство императоров подчинялись такой епитимии, действительно калялись, в конце концов получали прощение. Это очень интересная черта политических структур в Византийской империи. Вот опять же прямое римское наследие — монархии без института престолонаследия. Это чисто византийская вещь. В истории Византии переворотов политических, свержений правящих императоров больше, чем в истории какой-либо другой страны именно потому, что не был налажен институт престолонаследия.

По традициям, идущим еще от Октавиана Августа, чтобы стать императором, нужно было провозглашение со стороны сената и войска. И после с таким механизмом любой скольконибудь удачливый полководец, таких в истории Византии были десятки, совершал переворот, свергнув предшественника и провозгласив себя императором, добившись со стороны народа, синклита, войска своего утверждения на этом посту. В то же время сын императора отнюдь не мог автоматически претендовать на то, что он станет законным наследником отца. На Руси же был институт престолонаследия. Только в период Киевской Руси он был довольно своеобразен. Это было скорее родовое правление Рюриковичей. Великий престол Киевский далеко не всегда переходил от отца к сыну. Чаще от старшего брата к младшему, потом к следующему. Только когда все князья этого поколения умирали, престол переходил к их детям. Но все-таки было престолонаследие.

В целом, если подводить итог сказанному, если ввести диахронный аспект, то из разных периодов истории Древней Руси, пожалуй, Киевская Русь была под античным влиянием, наверное, потому, что общение с Византией было более прямым. Потом, в силу ряда событий, центр русской государственности переместился более на север, в район Владимира, позже Москвы. Тем временем случилось монгольское нашествие, и общение с Византией оказалось чрезвычайно сильно затруднено. А еще через какое-то время Византия в XV веке поглощается Османской империей и прекращает свое существование. Московская Русь в себе замыкается, и это, пожалуй, период русской истории, для которого в наименьшей степени характерно античное влияние. Ну а потом петербургский этап, это совсем другая история. Это уже не Древняя Русь, и там мы уже не через Грецию, а через Запад получаем общеевропейский канал античной рецепции.